

Евдокимова Анжелика Николаевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
В РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ И.Н. ИЛЬМИНСКОГО
В ЧУВАШСКИХ ПРИХОДАХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Аннотация: в статье рассматривается вопрос об особенностях христианизации чувашей в второй половине XIX – начала XX вв. в связи с утверждением и реализацией системы И.Н. Ильминского в нерусских приходах Казанской губернии. Частью системы являлись церковные школы, открывавшиеся в последней трети XIX в. В связи с открытием приходских попечительств несколько улучшилось материальное содержание духовенства, что должно было препятствовать сокращению злоупотреблений в отношении прихожан. Немаловажную роль в трансформации религиозных воззрений сыграли отходничество крестьян, культурно-просветительская деятельность духовенства.

Ключевые слова: христианизация, приход, приходское попечительство, система управления, система Ильминского, церковно-приходские школы.

Новые политические, социально-экономические условия, сложившиеся в России во второй половине XIX века, потребовали от властей и православной церкви иного подхода к организации миссионерского дела, разработки более эффективных организационных и тактических приемов и методов укрепления православия среди «инородческого» населения.

По официальным данным ко времени открытия «Братства св. Гурия (1867 г.) в Казанской епархии 353760 чувашских крестьян приняли православие, а 6182 человека исповедовали языческую религию [4, с. 294]. В 60-х гг. XIX века на территории Поволжья усилился массовый отход крещеных татар, чувашей,

мари, удмуртов от православия. Некоторая демократизация общественной жизни, явившаяся результатом реформ 60–70-х гг., заставляла православных миссионеров искать новые, более прогрессивные методы осуществления политики христианизации. Идеи Н.И. Ильминского, оформившиеся в 60-х гг. XIX века в официальную миссионерско-просветительскую систему, вполне соответствовали духу времени и отвечали интересам государства. Система Ильминского дала новое дыхание православному миссионерству и позволила усилить приобщение «инородцев» к христианству и подготовить активных миссионеров из среды нерусских народов.

Главное место в системе Н.И. Ильминского отводилось религиозному просвещению нерусских народов в особых миссионерских школах. Он считал, что орудием первоначального обучения в школе должен быть родной язык учащихся до усвоения ими русского языка, после чего преподавание должно переводиться на русский язык». Цель обучения – распространение христианской идеологии среди нерусских народов путем использования их родного языка в качестве орудия церковного служения. В основе системы – правила от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», после принятия которых система Ильминского стала общегосударственной в просвещении нерусских народов. Конечной целью обучения должно быть обрусение инородцев и совершенное слияние с русским народом по вере и языку. Н.И. Ильминский не только излагал свои взгляды на использование родного языка в миссионерских целях, но и приступил к их осуществлению на практике [15, с. 63].

Разработка и принятие системы Н.И. Ильминского тесно связаны с деятельностью миссионерской организации братства св. Гурия, в которую вошли видные деятели народного просвещения, представители местного духовенства. На ее средства была начата организация сети школ, учителями в которые определялись воспитанники центральной школы по их личной инициативе. Благодаря их работе сельское «инородческое» население впервые познакомилось с книгами, изданными на родном языке, услышало понятное чтение. Школы сыграли реша-

ющую роль в усвоении «иностранцами» православия, открыли им доступ к получению грамотности хотя бы в рамках христианского просвещения. Таким образом, система Н.И. Ильминского имела огромное значение для утверждения православия среди народов Среднего Поволжья.

Немало материала о жизни прихода содержится в «Известиях по Казанской епархии». Например, за 1896 г. читаем, что «приходы в Цивильском уезде, особенно пограничные с Симбирской губернией, отделены от центров русского населения, издавна населены одними чувашами», которые «всегда отличались замечательной устойчивостью в своих языческих верованиях. Они хотя и были когда-то крещены, но в жизни всегда твердо держались своего старого язычества. Праздничные и воскресные дни ими совсем не почитаются. В приходских деревнях, отстоящих от церкви верст 7–8, чуваша никогда не исполняли христианского долга исповеди и св. причастия... При незнании русского языка..., христианское вероучение понимались ими смутно, или вовсе для них было непонятно... Во всем приходе не было ни одной школы; священников же было трое. Церковь была деревянная, крайне холодна и бедна» [10, с. 361].

Один из видных этнографов, фольклористов и деятелей народного просвещения второй половины XIX века В.К. Магницкий отмечает: «Круг знакомства крещеных чуваш с христианским вероучением едва ли не ограничивается только: 1) умением изображать на себе крестное знамение; 2) знанием, что по русской вере праздничный день – воскресенье и 3) что в среду и пятницу по русской вере грех есть скоромное, что, однако ж, нигде не соблюдается» [13, с. 89].

Важно отметить, что местное население подвергалось контролю со стороны уездной полиции, которая при обнаружении фактов вероотступничества действовала не только грубыми и карательными средствами, но и пыталась понять, что же чувашей и других иностранцев заставляет совершать массовые языческие моления и обряды [18, с. 122–123].

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. в чувашских уездах было построено немало приходских церквей. Основой материал для изучения

прихода дают нам клировые ведомости. Например, ведомость Христорождественской церкви села Крымзарайкино Ядринского уезда Казанской епархии за 1914 г. показывает, что в приходе, помимо села, семь деревень, в которых проживают крестьяне, число мужского и женского пола одинаково – по 790 душ. Деревни расположены очень близко от храма, в 1–3 верстах (для сравнения: в предшествующее время селения располагались и в 7, и даже нескольких десятках верст). Особых физических и территориальных препятствий к посещению церкви, как в прежние времена, нет. По штату при церкви положены священник, псаломщик и просфорня [3, Ф. 521.Оп. 1. Д. 2.].

Из прихожан прихода выбирались церковный староста и члены попечительства. Должность церковной старосты была одной из заметных должностей в православных приходах. Институт церковных старост был введен в 1721 году, они избирались на 3 года и утверждались в должности епархиальным архиереем. В обязанность церковных старост вначале входило только продажа свечей, но с течением времени круг их обязанностей расширялся. Церковный староста становился поверенным прихода. Анализ социального состава церковных старост приходов чувашских уездов показывает, что в сельских религиозных общинах они выбирались в основном из крестьян, в городах церковными старостами были избраны представители из мещан, купцов и мало из крестьян. В «Известиях по Казанской епархии» содержится инструктаж церковным старостам. Староста избирался из достойных прихожан для хранения и употребления церковных денег и имущества. Он утверждается епархиальным архиереем, избирается от прихожан на 3 года; должен собирать деньги в кошельки и кружки, продавать свечи, принимать приносы (оклады, припасы), обязан следить за зажиганием и гашением свеч во время службы. По истечении месяца староста высыпает деньги и в присутствии священнослужителей записывает в книги, староста собирает доход от церковных заведений, покупает необходимые для церкви вещи, для пристройки и починки церкви, ведет и предоставляет причту и благочинному запись приходно-расходных денег [7, с. 189].

Сельский приход в основном составляли крестьяне, а в селах и городах – мещане, купцы, крестьяне. В большинстве приходов старостами были крестьяне. «Церковной старостою второе трехлетье состоит села Тенеево крестьянин Онисим Игнатъев» [3, Ф. 449. Оп. 2. Д. 7. Л. 37]. Видимо, за хорошую службу староста может остаться на второй срок. Есть сведения, что церковными старостами были не только крестьяне. В Никольской церкви с. Шихраны Цивильского уезда «старостою церковным состоит старший унтер-офицер в запасе Максим Антонов» [3, Ф. 292. Оп.1. Д. 5. Л. 3].

Кроме официального участия в делах прихода, прихожане призывались к общинному попечению о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта, заботились о первоначальном обучении детей и делах благотворительности. Выражением этого попечения являлись приходские попечительства. Приходские попечительства составлялись прихожанами, выбранных общим их собранием на определенное время. Местные священнослужители, церковный староста и волостной старшина обязательно должны были входить в эту организацию. Председатель попечительства избирался общим собранием прихожан, по большинству голосов из лиц, пользующихся общим доверием, включая и приходского священника.

Попечительства были обязаны заботиться:

1) о содержании и удовлетворении нужд церкви и «об изыскании средств для производства нужных исправлений в церковных строениях и для возведения новых взамен пришедших в упадок»;

2) чтобы православное духовенство пользовалось всеми предоставленными ему средствами содержания, а в случае недостатка средств выискивало другие способы для их увеличения;

3) об устройстве домов для церковного причта;

4) нахождении средств для учреждения в приходе школы, приюта;

5) выделении пособия бедным людям прихода, также о погребении их и о содержании в порядке кладбище [1, с. 362, 364].

Но, какие бы общественные или административные учреждения не возникали на благо местного населения, оно всячески сопротивлялось их организации в деревнях и селах, даже если бы речь шла элементарно о пожарной безопасности и сохранении имущества [6, с. 73].

В статье «По чувашским приходам», помещенной в «Известиях по Казанской епархии» за 1904 год, записан рассказ одного священника. «Раньше бывало, чувашей нашей местности гоняли в церковь. Я священствую в своем приходе лет 12. В течение этого времени произошла большая перемена в религиозно-нравственной жизни наших прихожан. Село наше русское, а приходы деревни все чувашские. Раньше чувашаи вовсе не ходили в церковь и жили как язычники. Изменение прихожан связано с школьным образованием, расширению среди них грамотности и особенно чтение религиозных книг» [11, с. 302].

После утверждения в 1884 г. «Правил о церковноприходских школах» и в 1891 г. «Правил о школах грамоты» церковноприходская школа стала занимать значительное место в системе народного образования России.

Казанская епархия, имевшая национальное и религиозное многообразие, нуждалась в определенной координации школьных планов и программ. Особенности имелись и в управлении школами. Возникновению церковноприходских школ в Казанской епархии предшествовало устройство школ Братства св. Гурия, которые имели определенный опыт работы в инородческих приходах. Использование программы Н.И. Ильминского давало возможность широко использовать в преподавании родной язык учащихся, что способствовало лучшему усвоению предметов. Опыт работы братских школ пригодился при организации церковноприходских школ и школ грамоты» [17, с. 182–189].

Моральная и материальная поддержка государства позволила быстро расширить сеть церковных школ. К концу 80-х годов в Казанской епархии было 148 церковноприходских школ, школ грамоты – 61, в том числе в чувашских уездах школ обоих типов насчитывалось свыше 90. Характерной особенностью чувашских приходов являлся значительно опережающий темп роста числа школ грамоты. Так, в Ядринском уезде в 1889 г. была 21 церковноприходская школа и

25 школ грамоты, а в 1900 г. число первых составило – 32, вторых – 60. Произошло почти трехкратное увеличение количества школ грамоты [17, с. 188]. Объяснялось это тем, что в них было одногодичное обучение и их содержание обходилось значительно дешевле. Учителями работали в основном священнослужители. В 80-е годы большинство учителей имели лишь начальное образование.

На территории Чувашии в основном были одноклассные церковные школы, что, по-видимому, связано с материальными трудностями и отсутствием кадров. В начале XX в. мало что изменилось в системе церковноприходских школ. Обучение велось согласно учебному плану и программе, выработанным Н.И. Ильминским. Несколько улучшилось материальное положение школ. В них стали работать более подготовленные учителя.

Церковно-приходские школы открывались священниками на средства прихожан или на пособие от сельских, городских обществ, приходских попечительств, а равно и от казны. Они были одноклассными (время обучения 3 года) и двухклассными (время обучения 5 лет). Школы грамотности, также находящиеся на ведомстве приходского духовенства, обучали детей на протяжении двух лет. В них преподавались: Закон божий (изучение молитв, священная история, особенности богослужения, катехизис), церковное пение, чтение церковных и грамотной печати и письма, начальные арифметические сведения [2, с. 37].

В «Известиях по Казанской епархии» рассказывается о многих случаях открытия приходских школ в селах. Для прихожан и причта это было крайне торжественное мероприятие [8, с. 223].

В ряде школ чувашских уездов преподавалось садоводство, пчеловодство, при некоторых были столярные мастерские, для девочек вводились уроки рукоделия. «В приходе села Абызово Ядринского уезда существовали 4 церковно-приходские школы: первая – Озерно-Абызовская, существовавшая с 1886 года; вторая – Абызовская (женская) с 1900 года; третья – Вурманкассинская с 1897 года; четвертая – Айгишинская с 1905 года. Церковно-приходские школы села Тенеево Ядринского уезда существуют с 1884 года; в ней обучалось 41 маль-

чик и 1 девочка. Учителем школы состоит села Ямашево крестьянин Василий Тимофеев; свидетельство на звание учителя имеет» [З, Ф. 449. Оп. 2. Л. 37]. Таким образом, церковно-приходские школы давали начальные знания о православной вере.

Церковноприходские школы не могли дать разностороннего и глубокого начального светского образования. Они оказали преимущественно влияние на изменение религиозного мировоззрения чувашей, его трансформации от язычества к православию, способствовали приобщению их к христианской и русской культуре. Развитие церковноприходских школ в определенной степени способствовало расширению функций чувашского языка в школьном деле. В Чувашском крае учебные планы и программы корректировались с учетом национальной и религиозной специфики населения.

Негативное отношение нерусского населения к школам было связано с тем, что они воспринимались как структура, элемент «чужого» мира. Язык преподавания, книги, учителя – все это было русское. В школах для нерусского крестьянского населения не было ничего национального «своего». Школа для нерусского крестьянского населения на представляла никакого экономического, религиозного, культурного интереса. Новокрещенные видели в школе структуру церковно-государственную, призванную подавлять национальную традиционную культуру. Учреждение и содержание школ приносило крестьянам лишь одни расходы и неудобства, а пользы практически никакой. Приверженцы традиционных верований считали, что школа будет портить их детей: отучит их от крестьянского труда, нарушит их мировоззрение, сделает их «русскими». Отпустить ребенка в школу было равносильно потерять его для дома, сельской общины.

К началу XX века произошли качественные изменения в отношении прихожан к церкви. Если они раньше не хотели идти в церковь, то теперь прихожане сами контролировали деятельность и строительство церквей. «За постройкой церкви в Ново-Чурашево в Цивильском уезде сами прихожане за всеми следили, заставляли подрядчика переделывать то, что им казалось не хорошим или не

прочным. Чуваши потом часто говорили, что они не заметили никакого обеднения или тяжести от этой постройки» [10, с. 223].

«Приход села Новоишеево довольно большой: в нем более 5 тысяч душ жителей обоего пола; двух штатной; причт состоит из двух священников, дьякона и двух псаломщиков. Жители Новоишеевского прихода кроме духовных, все чуваши. Религиозно-нравственное пробуждение началось с появления в приходе школы «Братства Св. Гурия» и школ грамоты по образцу первой» [11, с. 104]. Отмечается улучшение религиозно-нравственной жизни прихожан.

Раньше, когда нерусское крещеное население совершенно не знало догматов православия и смотрело на духовенство как на государственных чиновников, причт и паства существовали сами по себе. Между членами церковного причта и прихожанами нередко возникали конфликты как по вопросам религиозным, так и бытовым. Например, П.В. Денисов в своей монографии привел случай из практики приходского священника А. Алексеевского, который при сборе руги чуть не стал жертвой заговора чувашских крестьян. «Когда он заехал в небольшое чувашское селение и стал требовать у одной домохозяйки положенную норму руги, та, использовав момент заперла его в амбаре. Вскоре к этому месту стали собираться чуваши. На крики священника о помощи собравшиеся на ломаном русском языке отвечали: «Что больна кричишь, бачька, в амбаре лучше мерзнуть, чем в реке, не тужи, культа для тебя припасен больна хороша». Но священнику помог дьячок, который позвал русских крестьян» [4, с. 340]. Такие случаи описаны немало и в «Известиях по Казанской епархии».

В начале 70-х гг. XIX века борьба чувашских крестьян против притеснения духовенства приняла столь широкий размах, что епископы, боясь народных волнений, вынуждены были призвать приходских священников умерить свою жадность, прекратить вымогательства, чтобы на будущее время не было никаких неприязненных столкновений из-за сего предмета между священно- и церковно-служителями и прихожанами.

В июле 1891 г. гражданский уездный исправник доложил казанскому губернатору, что «все почти чувашки, за самым малым исключением, хотя и есть православные, но многие из них вместе с тем придерживаются и язычества. Ибо, посещая храмы, не гнушаются вместе с тем приносить жертву в оврагах и лесах «киремечи» и выполняют хотя и не все, характерные языческие обряды. Вообще чувашки строго и твердо придерживаются установившихся веками грубых северных нравов и обычаев, неисполнителей же сего притесняют». Несколько иная информация представляется нам со страниц церковно-приходских летописей, которые стали составляться некоторыми инициативными священнослужителями с середины XIX в.: от попыток чувашек приобщиться к православию до полного его неприятия в 80–90-е годы [14, Отд. 1. Ед.хр. 638. Л. 114–117, 256–266].

Это подтверждается и в отчете высокопреосвященного Антония, архиепископа Казанского и Свияжского о состоянии Казанской епархии за 1872 год. Что касается до исправности самих прихожан, то в этом отношении результаты наблюдений далеко не везде утешительные. Число исповедающихся и причащающихся хотя в большей части приходов нескучно, но постоянно число последних значительно меньше в сравнении с первыми. Есть даже такие приходы, где при народонаселении в тысячу и более душ мужского пола, например, в Можарках Цивильского уезда, только двое было причастивших святых тайн, и четверо исповедавшихся. Более половины прихожан этого села состоит в расколе, а остальные <...> сильно обуреваются предубеждениями против православной церкви» [9, с. 309].

Действительно, знакомство с религиозной жизнью чувашских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. позволяет, с одной стороны, обнаружить почитание ими, по традиции, своих древних дохристианских богов, а с другой – выявить своеобразное переплетение христианских верований в религиозном сознании. Во второй половине XIX века взаимоотношения приходского духовенства и нерусской паствы претерпели значительный прогресс. Конфликты и тяжбы крестьян с духовными лицами стали фиксироваться реже. К своим духовным отцам и служителям церкви относятся с должным уважением. Ныне же еще

в большей мере проявляется религиозность прихожан; в праздники продаются много просфор, но все молящиеся в храме – женщины, исключение составляют только десяток или два мужчин [14, Отд. 2. Т. 276]. По образованию, культурному и жизненному уровню основная масса нерусских прихожан значительно отличалась от своих пастырей, что не способствовало росту их взаимопонимания.

Православное духовенство широко использовала иконы для утверждения православной веры. В культе икон ярко проявился синкретический характер религиозных верований крещеных народов Среднего Поволжья. Так, чуваши во время совершения языческого моления после поклонения языческим богам еще до рассматриваемого периода, по воспоминаниям В.А. Сбоева, в «конце обряда обращались к иконе, зажигая восковую свечу» [16, с. 53]. Поклонение иконам происходило часто не по православному обычаю, а напоминало языческий культ киремети: после служения молебна и зажигания свечи кидали кусочки калача и делали приношение деньгами. Сложившийся культ икон с самого начала приобрел сложный синкретический характер, языческие представления переплелись в нем с православным учением об иконе.

На территории компактного расселения чувашей русские крестьяне составляли до десятой части населения. Русские и чувашские крестьяне находились в определенных взаимоотношениях. В.Д. Дмитриев приводит в своей работе примеры взаимоотношения русских и чувашских крестьян. В некоторых селениях чувашские и русские крестьяне проживали совместно. В селе Тобурданово Цивильского уезда в 1900 году было 12 дворов русских крестьян. «Русские живут среди чуваш мирно, – говорится в описании Тобурдановского прихода, – ходят друг к другу в гости, на мирских сходах общественные дела решат вместе, друг друга не презирают» [5, с. 283].

В конце XIX века мы наблюдаем усиление отхода чувашских крестьян на заработки, с одной стороны, и рост числа торговцев среди них – с другой. В описании Кошкинского прихода Чебоксарского уезда читаем что «в зимние время человек до 200 из всего прихода нанимаются на работу в лесу для изготовления

дров. В приходе есть несколько лиц, занимающихся скупкой яиц по деревням, закупленные яйца доставляют в Москву и Петербург» [5, с. 234].

Таким образом, отходничество и торговые занятия крестьян стали важными общественными явлениями в чувашской деревне в конце XIX – начале XX веков. Посещение чувашских селений русскими торговцами, промышленниками и ремесленниками также носили регулярный характер. Отходничество и торговые связи имели большие последствия в социально-экономической и культурной жизни чувашского народа, в частности, в таких сферах, как усвоению чувашами русского языка и влияния русской культуры на чувашскую.

В исследуемое нами время произошли качественные и количественные изменения в среде прихожан. Смена насильственного метода на просветительство вносила существенные коррективы в религиозное состояние нерусского населения, менялось качественное состояние религиозности – большинство верующих, восприняв христианство, остается на позициях православно-языческих» [12, с. 48].

К началу XX века всё чувашское население было православным, оно начало соблюдать христианские традиции. Этому в значительной степени содействовали: усиление связей с русским населением, отходничество, а также светские и религиозные учреждения, среди которых важное место принадлежало церковно-приходским школам, приходским попечительствам, уездной полиции, приходскому причту.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-11-21003.

Список литературы

1. Бердников И.С. Краткий курс церковного права. – Казань, 1888.
2. Браславский Л.Ю. Православные храмы Чувашии. – Чебоксары, 1995.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР).
4. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. – Чебоксары, 1959.
5. Димитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. – Чебоксары, 2003.

6. Зотиков А.В. Система мер по обеспечению пожаробезопасности в казенных селениях Казанской губернии во второй трети XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – №4. – С. 72–77.

7. Известия по Казанской епархии за 1872 год.

8. Известия по Казанской епархии за 1871 год.

9. Известия по Казанской епархии за 1873 год.

10. Известия по Казанской епархии за 1896 год.

11. Известия по Казанской епархии за 1904 год.

12. Кудряшов Г.Е. Православное миссионерство в среднем Поволжье: История и оценка его деятельности // История христианизации народов среднего Поволжья. Критические суждения и оценка. – Чебоксары, 1988.

13. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. – Казань, 1881.

14. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН).

15. Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России. – Чебоксары, 2004.

16. Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. – Ч. 1. Заметки о чувашах. – Казань, 1856.

17. Таймасов Л.А. Церковноприходские школы в системе народного образования дореволюционной Чувашии // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья: Материалы региональной научной конференции. – Чебоксары: Изд-во Чуваш.ун-та, 1997.

18. Ялтаев Д.А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах: Монография. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 156 с.